

Финансовая грамотность

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОГРАММ ПО ПОВЫШЕНИЮ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ

Брызгалин Виктор Аркадьевич

*Ассистент кафедры прикладной институциональной экономики,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет;
Ведущий специалист отдела прикладных исследований,
Институт национальных проектов
(г. Москва, Россия)*

Золотов Антон Владимирович

*Ведущий эксперт,
Институт национальных проектов
(г. Москва, Россия)*

Никишина Елена Николаевна

*Кандидат экономических наук,
Доцент кафедры прикладной институциональной экономики,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет;
Директор по стратегическому развитию,
Институт национальных проектов
(г. Москва, Россия)*

Припузова Надежда Анатольевна

*Генеральный директор,
Институт национальных проектов
(г. Москва, Россия)*

Аннотация

Программы повышения финансовой грамотности активно реализуются в России и мире в последние двадцать лет. В то же время эффективность подобных программ (и, как следствие, необходимость их реализации) иногда ставится под сомнение. Целью данной статьи является выделение ключевых направлений развития программ повышения финансовой грамотности на основе анализа накопленного опыта и проведенных в данной области исследований. Показано, что наличие положительных эффектов программ повышения финансовой грамотности подтверждается исследованиями, методология которых позволяет выявить

Брызгалин В.А., v.bryzgalin@inp.ru

Золотов А.В., azolotov@yandex.ru

Никишина Е.Н., elena.nickishina@gmail.com

Припузова Н.А., n.pripuzova@inp.ru

причинно-следственные связи. Стандартные образовательные программы по финансовой грамотности имеют ограниченные эффекты на финансовое поведение из-за поведенческих искажений, однако это может быть преодолено через адаптацию программ с учетом достижений поведенческой экономики. Перспективным является расширение фокуса исследовательского внимания на более комплексные (по сравнению с финансовой грамотностью) явления, характеризующие благосостояние людей – финансовое благополучие и финансовую устойчивость.

Ключевые слова: финансовая грамотность, поведенческая экономика.

JEL коды: G53.

Для цитирования: Брызгалин В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А. Возможности развития программ по повышению финансовой грамотности // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2022. Том 14. Выпуск 1. С. 7-18. DOI: 10.38050/2078-3809-2022-14-1-7-18

Введение

За последние двадцать лет по всему миру накоплен значительный опыт реализации программ повышения финансовой грамотности¹. Ее значение признается как на национальном, так и на международном уровнях, свидетельством чего служат масштабные проекты, реализуемые, например, Всемирным банком или ОЭСР, национальные стратегии (в России – Стратегия повышения финансовой грамотности на 2017-2023 гг.), программы, ориентированные на разные социальные группы или определенные проблемные ситуации.

Но главным становится сам факт проникновения повестки финансовой грамотности во множество сфер повседневной жизни и перерастание этого явления масштаба отдельных программ и проектов (пусть даже и крупных). Вопросы «здоровых» личных финансов обсуждаются в медийном и образовательном пространствах², их подхватывают рыночные игроки³ и ключевые стейкхолдеры, развиваются сообщества профессионалов по данной теме, создаются площадки для обмена мнениями и повышения переговорной силы потребителей. Эти процессы во многом эволюционны и схожи с тем, что происходило (и происходит), например, с популяризацией здорового образа жизни, ответственного потребления и снижения отрицательного воздействия на окружающую среду, с поиском баланса между работой и личным временем или же обращением с персональными данными⁴.

---

¹ В соответствии с подходом ОЭСР, под финансовой грамотностью понимается комбинация финансовой осведомленности, знаний, навыков, установок и поведения, необходимая для принятия осознанных финансовых решений и достижения индивидуального финансового благополучия. INFE, OECD (2012). OECD/INFE High-Level Principles on National Strategies for Financial Education; Atkinson A., Messy F.-A. (2012). Measuring Financial Literacy: Results of the OECD INFE Pilot Study. OECD Working Papers on Finance, Insurance and Private Pensions № 15. Paris: OECD Publishing.

² См., например: Кузина, 2015; Кокорев, 2016; Ковалева, 2017 и др.

³ См. примеры крупных рыночных игроков (в том числе в России), чьи долгосрочные стратегии развития опираются именно на финансово грамотных и благополучных потребителей, которые уже сейчас реализуют множество программ финансового просвещения, управления личным бюджетом и проч.

⁴ Самый очевидный пример: два принципиально разных подхода к обращению с персональными данными, на которых строят свои бизнес-модели «Apple» (максимальная защищенность, декларируемая невозможность их

В то же время иногда в публичном поле появляются комментарии, ставящие под сомнение целесообразность расходования средств на программы повышения финансовой грамотности – в частности, из-за их низкой эффективности (Кислицын, 2020). Этот вопрос тесно пересекается с возрастающей потребностью определить промежуточные результаты действия программ по финансовой грамотности для дальнейшего планирования. *Целью* данной статьи является выделение ключевых направлений развития программ повышения финансовой грамотности на основе анализа накопленного опыта и проведенных в данной области исследований⁵.

Эффективность и результативность проектов по повышению финансовой грамотности

Проникновение финансовой грамотности в ежедневную повестку производит множество эффектов, как запланированных разработчиками, так и нет, – и логично учитывать эти эффекты при оценке результативности подобных программ и проектов. Так, исследования показывают, что существует связь между финансовой грамотностью и более низким уровнем закредитованности (Lusardi, Tufano, 2015), более высокими уровнями сбережений и благосостояния (Hung et al., 2009; Lusardi, Mitchell, 2007; Lusardi, Mitchell, 2014), а также умением выбирать подходящие финансовые инструменты и диверсифицировать их (Hilgert et al., 2003; Rooij et al., 2011). На макроуровне финансовая грамотность рассматривается не только как фактор экономической и финансовой стабильности, снижения неравенства доходов, но и как фактор распространения инноваций и роста конкуренции на рынке финансовых услуг (OECD, 2019; Lusardi, 2019; Cull et al., 2012; Ramsay, 2011; Prete, 2013).

Кризис, вызванный пандемией коронавируса, стал стресс-тестом для инфраструктуры и акторов финансового просвещения и обострил вопрос о важности финансовой грамотности как необходимого условия для обеспечения финансовой устойчивости и финансового благополучия населения. Исследования, появившиеся в период пандемии, подтвердили связь между низким уровнем финансовой грамотности и финансовой уязвимостью (Lusardi et al., 2020). При этом в России важным положительным эффектом от реализации программ по финансовой грамотности в 2011-2021 гг. стало формирование профессиональной среды, которая в условиях коронакризиса позволила быстро мобилизовать специалистов и стейхолдеров в сфере финансового просвещения и защиты прав потребителей для участия в разработке и продвижении мер поддержки для граждан.

Перечисленные выше обстоятельства, свидетельствуя о значимых роли и месте, которые занимают финансовое просвещение и финансовая грамотность в современном мире, не снимают тем не менее вопрос об эффективности конкретных проектов и программ. Особенно,

---

содержательного анализа со стороны компании, отказ от монетизации) и «Facebook» (коммерциализация и опора рекламной модели на данные пользователей, утечки данных или предоставление доступа к ним сторонним разработчиками).

⁵ В статье используются результаты, полученные в рамках проекта «Развитие и укрепление сообщества профессионалов в области финансовой грамотности за счёт расширения функционала портала вашифинансы.рф», осуществленного в 2019-2020 гг. в рамках совместного проекта Минфина России и Всемирного банка «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации».

если такой вопрос – о соотношении между объемом вкладываемых ресурсов (не только денежных, но и человеческих, организационных, временных) и получаемыми результатами, равно как и об их устойчивости – возникает в рамках государственного управления (в т.ч. по поводу распределения бюджетных средств) или бизнес-процессов.

Вопрос действительно актуален – ведь при наличии большого числа свидетельств положительных эффектов финансовой грамотности на микро- и макроуровне, в настоящий момент не так много исследований, в которых зафиксирован численный, а главное – причинно-следственный эффект от реализованных программ. Основные ограничения организационно-методические: оценка причинно-следственного эффекта требует не только дополнительных ресурсов, но и соответствующего дизайна оценки, который необходимо заложить в программу повышения финансовой грамотности, как правило, до старта ее реализации (в частности, необходимо отслеживать результаты контрольной группы и группы воздействия, учитывать действие прочих факторов, устранять проблему самоотбора). В ситуации ограниченности ресурсов, с одной стороны, и множественности, разноплановости и даже некоторой стихийности процессов финансового просвещения, с другой, – подобная оценка представляется крайне нетривиальной задачей.

Тем не менее, способы оценки эффективности активно ищутся и внедряются в существующие и планируемые проекты. Так, в ряде исследований, опирающихся на экспериментальную методологию (и позволяющих говорить о причинно-следственной связи), зафиксировано, что обучение принципам расчета сложного процента может привести к увеличению сбережений на пенсию на 40% (Song, 2020), а прослушивание обязательного курса по финансовой грамотности в школе – к росту кредитного рейтинга человека на 15-19 процентных пунктов и снижению вероятности просрочки по кредиту свыше 30 дней на 9-16% (Urban et al., 2016). В недавнем метаисследовании (Kaiser et al., 2020), обобщающем результаты 76 исследований, использующих экспериментальную методологию, показано, что в среднем образовательные программы в сфере финансовой грамотности приводят к положительным изменениям не только в финансовых знаниях человека, но и в его финансовом поведении. Несмотря на то, что надежных исследований затрат-эффективности отдельных программ/проектов по финансовой грамотности в мире на сегодняшний день мало, авторы подчеркивают, что многие из рассмотренных ими программ показали свою затрат-эффективность.

Это означает, что при наличии ресурсов и времени интеграция механизмов оценки причинно-следственного эффекта в разрабатываемые программы в сфере финансовой грамотности представляется несомненно перспективной. В случае успеха, это позволит принимать решения по их дальнейшему масштабированию на основе оценки затрат-эффективности и подхода, основанного на данных (evidence-based approach).

Но если ресурсов для предварительной оценки эффективности недостаточно и/или речь идет об уже реализуемом проекте, возможен и другой – комплементарный – подход. Он может заключаться в выявлении ключевых факторов финансово грамотного поведения, которые определяют наличие и масштаб эффекта от реализуемых программ и проектов, корректировке этих факторов и последующей оценке вклада этих факторов в полученный результат с сопоставлением его с затраченными ресурсами.

Поведенческие аспекты финансовой грамотности

В случае финансовой грамотности можно с уверенностью предположить, что среди таких факторов заметное место будут занимать поведенческие особенности принятия людьми финансовых решений, из-за которых результаты программ финансового просвещения могут не всегда и не во всем соответствовать планам их разработчиков. Например, проблема с самоконтролем, переоценка настоящих выгод, по сравнению с будущими, прокрастинация, избегание потерь и другие поведенческие особенности могут мешать финансово грамотному поведению, даже если человек обладает всеми необходимыми знаниями (ИНП, 2020). А стресс, вызванный, например, ситуаций кризиса, риском потери работы или сокращения доходов, усиливает действие поведенческих факторов и снижает когнитивные способности человека. Это может приводить к дополнительным ошибкам в принятии финансовых решений, даже если человек обладает базовыми знаниями в сфере финансовой грамотности.

Перечисленные поведенческие особенности связаны с частой претензией к программам по финансовой грамотности, заключающейся в том, что только знания, полученные в рамках данных программ, едва ли помогут людям отказаться от вредных финансовых привычек (Кислицын, 2020).

Однако программы повышения финансовой грамотности все чаще направлены на формировании не только знаний, но и релевантных современной ситуации финансовых установок и грамотного финансового поведения, в том числе с учетом поведенческих особенностей людей. Среди ключевых направлений учета поведенческих особенностей в программах повышения финансовой грамотности в России и за рубежом (ИНП, 2020; OECD, 2019; OECD, 2016) можно выделить следующие:

- включение в просветительские программы блоков, посвященных объяснению действия когнитивных искажений и их последствий⁶;
- учет поведенческих факторов по моделям MINDSPACE (Messenger, Incentives, Norms, Defaults, Salience, Priming, Affect, Commitments and Ego) или EAST (Easy, Attractive, Social and Timely) при создании программ повышения финансовой грамотности;
- проектирование программ, направляющих участников к осознанным решениям через использование механизмов самоконтроля, техник «ментального учета» и отработку приобретенных навыков;
- персонализация программ повышения финансовой грамотности – адаптация под существующие паттерны поведения людей;
- предоставление просветительских материалов в краткой, конкретной и простой для понимания форме;
- использование цифровых каналов как современных, доступных и приятных в использовании.

---

⁶ Например, это реализовано в [учебном пособии Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова](#) или в видеокурсе [«Иррациональная экономика»](#) Института национальных проектов.

Перечисленные принципы, несомненно, могут быть применены (и применяются) в самых разных образовательных программах, -- это современный тренд. Вместе с тем, именно в сфере финансового просвещения можно ожидать более высокой отдачи от имплементации данных принципов ввиду того, что его целью во многом является именно формирование навыков грамотного финансового поведения (заметим: не поддающихся прямому контролю в процессе обучения).

Кроме того, учитывая общий тренд на геймификацию и цифровизацию образования, важное место в финансовом просвещении занимает использование интерактивных инструментов, при помощи которых в игровой форме могут отрабатываться эвристики финансового поведения⁷. Нарботка навыков в игровой форме позволяет снизить «цену ошибки» и затем более эффективно применять полученные навыки в реальной жизни, в том числе в ситуации стресса.

Таким образом, если допустить, что поведенческие факторы оказывают значительное воздействие на результат программ по повышению финансовой грамотности, то перспективной представляется деятельность по задействованию этих факторов в тех случаях, когда они усиливают эффект от программ, и блокировки в ситуациях, когда они способны ухудшить получаемый результат, -- и оценка достигаемого эффекта. Такой путь, опирающийся на разработки психологов и поведенческих экономистов, за счет акцентированного воздействия на те элементы программ, которые непосредственно нацелены на финансовое поведение, позволит повысить их затрат-эффективность. Действительно, точечные изменения дизайна программ / способа подачи материала с учетом наработок поведенческих экономистов могут не требовать существенных ресурсов (OECD, 2019). При этом использование полевых экспериментов для тестирования эффективности предложенных изменений, определения устойчивости эффекта во времени и выбора наилучшего варианта дизайна программы перед ее массовым внедрением, будут повышать общую затрат-эффективность.

Финансовая грамотность, финансовое благополучие и финансовая устойчивость

Меняющиеся реалии окружающего мира меняют и отношение к финансовой грамотности, которая может рассматриваться не только как самоцель, но и как инструмент достижения *финансовой устойчивости* (*financial resilience* (NAB, 2016)) и *финансового благополучия* (*financial well-being* (OECD, 2020)) —то есть возможности людей противостоять финансовым потрясениям, комфортно удовлетворять текущие финансовые обязательства и иметь финансовую устойчивость для поддержания этого в будущем. Это является дополнительным аргументом перехода от «узкосфокусированного» подхода, когда учитываются преимущественно локальные эффекты, касающиеся применения финансовых знаний в той или иной ситуации (расчет процентных ставок и инфляции, понимание риска и доходности и т.д.), к анализу факторов, оказывающих решающее воздействие на образ и масштаб получаемого результата (в частности, поведенческих), а также эффекты, которые эти программы производят в более длинной перспективе, в т.ч. и для «третьих лиц».

---

⁷ См., например, онлайн-практикум [«Финансовые грабли: береги деньги смолоду»](#).

Все вместе это означает, что для укрепления финансовой устойчивости и финансового благополучия граждан важна, во-первых, популяризация программ, учитывающих поведенческие и социокультурные особенности, объясняющих наиболее распространенные когнитивные искажения и уловки участников финансового рынка, приводящие к рискам для финансового благополучия потребителей. Во-вторых, расширение доступа к образовательным программам, направленным на наработку навыков и эвристик финансово грамотного поведения. В-третьих, редизайн имеющихся образовательных программ с учетом поведенческих особенностей (см. выше). Кроме того, важное значение может иметь «поведенческий аудит» финансовых предложений (рекламы, описания продуктов, моделей взаимодействия с клиентами) участников рынка, позволяющий защитить население и помочь в принятии финансово грамотных решений.

Перспективной представляется также *комплексная оценка финансового благополучия* (а не только уровня финансовой грамотности) – в рамках которой могут оцениваться еще и финансовая ответственность, финансовая культура, финансовая безопасность, финансовая доступность, региональное богатство, -- что вместе даст более комплексную картину для принятия управленческих решений на основе доказательного (evidence-based) подхода. Для проведения такой оценки может быть разработан, например, многофакторный профиль регионов России, который обеспечивал бы более простой и удобный доступ к данным, важным при принятии решений в сфере финансовой грамотности и защиты прав потребителей финансовых услуг. Такой профиль мог бы представлять собой многофункциональный аналитический инструмент для принятия прикладных управленческих решений, и в целом формировал бы системную «картину» уровня финансового благополучия разных социально-демографических групп.

Наконец само предметное поле финансовой грамотности может быть расширено за счет проблематики налоговой культуры, вопросов укрепления «финансового здоровья» граждан (подорванного, например, высокой кредитной нагрузкой и/или прохождением процедуры личного банкротства), совершенствования института финансового консультирования/аудита граждан для содействия им в определении оптимальной стратегии управления личным бюджетом. Это необходимо для того, чтобы максимальное число аспектов финансовой жизни человека (а) находили необходимую экспертную / консультационную поддержку и (б) были бы связаны между собой. Именно комплексный подход, сочетающий множественность тематик финансовой грамотности, с одной стороны, и разнообразные форматы работы с людьми (просвещение, образование, консультирование, сопровождение / патронирование (особенно в сложных жизненных ситуациях)), с другой, может создать необходимые и надежные основания для повышения финансового благополучия граждан.

Заключение

Накопленный массив исследований показывает, что программы по повышению финансовой грамотности обычно действительно способствуют более ответственному финансовому поведению. В то же время их затрат-эффективность может быть повышена – в первую очередь за счет более активного применения evidence-based подхода для оценки эффектов программ при их проектировании, а также за счет более широкого применения методов, учитывающих поведенческие особенности людей. Кроме этого, исследования в области финансовой грамотности должны распространяться и на другие аспекты «финансового здоровья» граждан – в том

числе на их финансовое благополучие и финансовую устойчивость. Долгосрочная устойчивость эффектов от программ в области повышения финансовой грамотности и защиты прав потребителей (особенно в кризисные периоды), во многом зависит от существования профессионального сообщества, способного поддерживать и тиражировать лучшие практики и гибко реагировать на возникающие вызовы.

Список литературы

ИНП. Использование поведенческих факторов для корректировки финансового поведения населения. Москва: Институт национальных проектов, 2020. С. 15

Кислицын Д.В. Программы повышения финансовой грамотности и финансовое поведение: почему люди не становятся «финансово грамотными»? // Вопросы экономики. 2020. № 9. Р. 80–93.

Ковалева Г.С. Финансовая грамотность как составляющая функциональной грамотности: международный контекст // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1. № 2(37). С. 31–43.

Кокорев Р.А., Кудряшова Е.Н., Телешова И.Г., Трухачев С.А. Новые задачи университетов в повышении финансовой грамотности // Экономическая наука и развитие университетских научных школ (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова). 2016. С. 1174–1182.

Кузина О.Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты анализа в России // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 129–148.

Capuano A., Ramsay I. What Causes Suboptimal Financial Behaviour? An Exploration of Financial Literacy, Social Influences and Behavioural Economics // University of Melbourne Legal Studies. 2011. Research Paper № 540.

Cull R., Demirgüç-Kunt A., Lyman T. Financial Inclusion and Stability: What Does Research Show? CGAP Brief. Washington, DC: World Bank. 2012.

Hilgert M., Hogarth J., Beverley S. Household Financial Management: The Connection between Knowledge and Behavior. Federal Reserve Bulletin Report. 2003. P. 309–322.

Hung A., Parker A.M., Yoong J. Defining and Measuring Financial Literacy // RAND. 2009. Corporation working paper WP-708

Kaiser T., Lusardi A., Menkhoff L., Urban C.J. Financial Education Affects Financial Knowledge and Downstream Behaviors // National Bureau of Economic Research. 2020. Working paper № w27057.

Lusardi A. Financial Literacy and the Need for Financial Education: Evidence and Implications // Swiss Journal of Economics and Statistics. 2019. Vol. 155, № 1.

Lusardi A., Hasler A., Yakoboski P.J. Building up Financial Literacy and Financial Resilience // Mind & Society. 2020. Vol. 1. № 7.

Lusardi A., Mitchell O.S. Baby Boomer Retirement Security: The Roles of Planning, Financial Literacy, and Housing Wealth // Journal of Monetary Economics. 2007. Vol. 54, № 1. P. 205–224.

Lusardi A., Mitchell O.S. The Economic Importance of Financial Literacy: Theory and Evidence // Journal of economic literature. 2014. Vol. 52, № 1. P. 5–44

Lusardi A., Tufano P. Debt Literacy, Financial Experiences, and Overindebtedness // *Journal of Pension Economics & Finance*. 2015. Vol. 14, № 4. P. 332-368.

NAB. *Financial Resilience in Australia 2015*. 2016.

OECD *Financial Education in Europe: Trends and Recent Developments*. 2016.

OECD. *International Survey of Adult Financial Literacy*. 2020.

OECD. *PISA 2021. Financial Literacy Analytical and Assessment Framework*. 2019.

OECD. *Smarter Financial Education: Key Lessons from Behavioural Insights for Financial Literacy Initiatives*. 2019.

Prete A.L. Economic Literacy, Inequality, and Financial Development // *Economics Letters*. 2013. Vol. 118, № 1. P. 74-76.

Song C. Financial Illiteracy and Pension Contributions: A Field Experiment on Compound Interest in China // *The Review of Financial Studies*. 2020. Vol. 33, № 2. P. 916-949.

Urban C., Schmeiser M., Collins J.M., Brown A. The Effects of State Policies Requiring High School Personal Finance Education on Credit Scores. Working Paper 2016-002. Madison: University of Wisconsin, Robert M. La Follette School of Public Affairs, 2016.

Van Rooij M., Lusardi A., Alessie R. Financial Literacy and Stock Market Participation // *Journal of Financial Economics*. 2011. Vol. 101, № 2. P. 449-472.

World Bank *World Development Report 2015: Mind, Society, and Behavior*. Washington, D.C.: World Bank, 2015.

Financial Literacy

**PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF
FINANCIAL LITERACY PROGRAMS**

Victor A. Bryzgalin

*Assistant,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics,
Senior researcher of Institute for National Projects
(Moscow, Russia)*

Anton V. Zolotov

*Leading expert of Institute for National Projects
(Moscow, Russia)*

Elena N. Nikishina

*PhD in Economics, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics;
Strategic director of Institute for National Projects
(Moscow, Russia)*

Nadezhda A. Pripuzova

*Head of Institute for National Projects
(Moscow, Russia)*

Abstract

Financial literacy programs have been actively implemented in Russia and the world over the past twenty years. At the same time, the effectiveness of such programs (and, therefore, the need for their implementation) is sometimes questioned. The purpose of this article is to highlight the key areas of development of financial literacy programs based on an analysis of the accumulated experience and research conducted in this area. We show that causal studies confirmed the presence of positive effects of financial literacy programs. Standard financial literacy courses have limited effects on financial behavior due to psychological traits, but this can be fixed by using behavioral interventions. Financial well-being and financial stability (more complex phenomena that characterize the well-being of people) are promising areas for future research.

Keywords: financial literacy, behavioral economics.

JEL: G53.

For citation: Bryzgalin, V.A., Zolotov, A.V., Nikishina, E.N., Pripuzova, N.A. (2022) Prospects for the Development of Financial Literacy Programs. Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal, vol. 14, no. 1, pp. 7-18. DOI: 10.38050/2078-3809-2022-14-1-7-18.

References

INP. Ispol'zovanie povedencheskikh faktorov dlya korrektyrovki finansovogo povedeniya naseleniya [Usage of behavioral factors for financial behavioral]. Moskva: Institut natsional'nykh proektov [Moscow: Institute for national projects], 2020 p. 15 (In Russian).

Kislitsyn D.V. Programmy povysheniya finansovoy gramotnosti i finansovoe povedenie: pochemu lyudi ne stanovyatsya «finansovo gramotnymi»? [Financial literacy training programs and financial behaviour: Why people do not become “financially literate”?]. Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki], 2020, no. 9, pp. 80-93 (In Russian).

Kovaleva G.S. Finansovaya gramotnost' kak sostavlyayushchaya funktsional'noj gramotnosti: mezhdunarodnyj kontekst [Financial literacy as part of functional literacy: an international context]. Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika [Domestic and Foreign Pedagogy], 2017, vol.1, no. 2(37), pp. 31-43 (In Russian).

Kokorev R.A., Kudryashova E.N., Teleshova I.G., Trukhachev S.A. Novye zadachi universitetov v povyshenii finansovoy gramotnosti [New challenges for universities in improving financial literacy]. Ekonomicheskaya nauka i razvitie universitetskikh nauchnykh shkol (K 75-letiyu ekonomicheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova) [Economic Science and the Development of University Scientific Schools (to the 75th Anniversary of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University)], 2016, pp. 1174-1182 (In Russian).

Kuzina O.E. Finansovaya gramotnost' i finansovaya kompetentnost': opredelenie, metodiki izmereniya i rezul'taty analiza v Rossii [Financial Literacy and Financial Competence: Definition, Measurement Methods and Analysis Results in Russia]. Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki], 2015, no. 8, pp. 129-148 (In Russian).

Capuano A., Ramsay I. What Causes Suboptimal Financial Behaviour? An Exploration of Financial Literacy, Social Influences and Behavioural Economics. University of Melbourne Legal Studies. 2011. Research Paper, no. 540.

Cull R., Demirgüç-Kunt A., Lyman T. Financial Inclusion and Stability: What Does Research Show? CGAP Brief. Washington, DC: World Bank. 2012.

Hilgert M., Hogarth J., Beverley S. Household Financial Management: The Connection between Knowledge and Behavior. Federal Reserve Bulletin Report. 2003. Pp. 309-322.

Hung A., Parker A.M., Yoong J. Defining and Measuring Financial Literacy. RAND. 2009. Corporation working paper WP-708.

Kaiser T., Lusardi A., Menkhoff L., Urban C.J. Financial Education Affects Financial Knowledge and Downstream Behaviors. National Bureau of Economic Research. 2020. Working paper № w27057.

Lusardi A. Financial Literacy and the Need for Financial Education: Evidence and Implications. Swiss Journal of Economics and Statistics. 2019. Vol. 155, no. 1.

Lusardi A., Hasler A., Yakoboski P.J. Building up Financial Literacy and Financial Resilience. Mind & Society. 2020. Vol. 1. No. 7.

Lusardi A., Mitchell O.S. Baby Boomer Retirement Security: The Roles of Planning, Financial Literacy, and Housing Wealth. Journal of Monetary Economics. 2007. Vol. 54, no. 1, pp. 205-224;

Lusardi A., Mitchell O.S. The Economic Importance of Financial Literacy: Theory and Evidence. Journal of economic literature, 2014, vol. 52, no. 1, pp. 5-44

Lusardi A., Tufano P. Debt Literacy, Financial Experiences, and Overindebtedness. *Journal of Pension Economics & Finance*, 2015, vol. 14, no 4, pp. 332-368.

NAB. *Financial Resilience in Australia 2015*. 2016.

OECD *Financial Education in Europe: Trends and Recent Developments*. 2016.

OECD. *International Survey of Adult Financial Literacy*. 2020.

OECD. *PISA 2021. Financial Literacy Analytical and Assessment Framework*. 2019.

OECD. *Smarter Financial Education: Key Lessons from Behavioural Insights for Financial Literacy Initiatives*. 2019.

Prete A.L. Economic Literacy, Inequality, and Financial Development. *Economics Letters*, 2013, vol. 118, no 1, pp. 74-76.

Song C. Financial Illiteracy and Pension Contributions: A Field Experiment on Compound Interest in China. *The Review of Financial Studies*, 2020, vol. 33, no 2, no. 916-949.

Urban C., Schmeiser M., Collins J.M., Brown A. The Effects of State Policies Requiring High School Personal Finance Education on Credit Scores. Working Paper 2016-002. Madison: University of Wisconsin, Robert M. La Follette School of Public Affairs, 2016.

Van Rooij M., Lusardi A., Alessie R. Financial Literacy and Stock Market Participation. *Journal of Financial Economics*, 2011, vol. 101, no. 2, pp. 449-472.

World Bank *World Development Report 2015: Mind, Society, and Behavior*. Washington, D.C.: World Bank, 2015.